

Нина Шнирман
Счастливая девочка

Нина Шнирман
Счастливая девочка
повесть-воспоминание

издательство **астрель**

УДК: 821.161.1-3
ББК: 84(2Рос=Рус)6
Ш 77

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Ш77 Шнирман, Н.
Счастливая девочка : повесть-воспоминание / Нина Шнирман. — М.: Астрель: CORPUS, 2011. — 320 с.

ISBN: 978-5-271-33233-3 (ООО “Издательство Астрель”)

“Счастливая девочка” — повесть-воспоминание москвички Н. Шнирман, написанная от лица маленькой Нинуши, чье раннее детство пришлось на предвоенные и военные годы.

В этой книге нет вымысла, а есть только то, что удержала удивительно емкая и талантливая детская память: детали быта интеллигентной семьи (отец, Г.Л. Шнирман, — выдающийся ученый, вся жизнь которого прошла под грифом “совершенно секретно”, четырежды лауреат Государственной премии); отношения между окружающими; внешние события, которые предстают, как правило, в отраженном свете — через переживание их ребенком, с жадным любопытством познающим мир, наделенным задатками самобытной личности и обостренным чувством справедливости.

Повесть “Счастливая девочка” — очень современна, так как в ней есть то, что волнует сегодняшних читателей, — подлинность восприятия прошлого. И еще: книга заражает потребностью запустить работу собственной памяти, ведь воспоминание, по словам Пушкина, “самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему”.

УДК: 821.161.1-3
ББК: 84(2Рос=Рус)6

ISBN: 978-5-271-33233-3 (ООО “Издательство Астрель”)

© Нина Шнирман, 2010
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2011
© ООО “Издательство Астрель”, 2011
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Элочкины Замки	9
Маленькая палочка	14
Чёрт и сосновые шишки	17
Торт из мороженого	22
Сонный Бегемот	25
Прилично — неприлично	27
Три поросёнка	30
Что-то не так!	36
Мы летали	41
Синие Ноги и ангел	44
День рождения — 20 ноября 1940 года	47
Новый год — 1941-й	49
В коробке	52
Извинение	54
Волшебство	56
“Маленька девочка”	62
Матрос в отпуску	64
Папа скоро приедет	67
Москва — Свердловск	71
В “эвакуации” темно	74
Воздушная тревога	79
Элочка плакала	83

Красные ягоды	89
Володия	92
Фокусы	96
Новый год — 1942-й	100
Её не взяли покататься!	104
Тогда и сейчас	108
Я не бездельница	111
Дед Мороз	118
Дедушка Никифор	123
Свет не без добрых людей	127
Праздник Первого мая	131
Мамочкин день рождения — 1942 год	137
Забинтованные военные	140
Я поступаю в музыкальную школу	144
Мне шесть лет	147
Я очень удивилась!	151
Куколка Ши-Ши-Ши	154
Меня показывают Столярскому	158
Лёвочка	162
Пончик	165
Камертон	169
Концерт в “Мадриде”	172
Страшная месть	178
Носом кровь	184
Скорее домой	188
Далёкий город	192
Москва — Ленинград	197
Тайна	201
Учительница	205
Люба	210
Двойной голос	215
Другие люди	221

Рояль	224
Я собой недовольна	228
Мы смотрим диафильмы	233
Бабушкино чудо	237
Я — Папин сын	243
Кто скачет, кто мчится	250
Доктор	254
Снип-снап-снурре	260
Меня зовут...	265
Принцесса так наивна	269
Досочки и буквы	272
Отметка	275
Через двадцать лет	279
Пленные немцы	282
Пирог с черникой	284
Семья	291
Училка	295
Мамочка отдыхает	299
Поздравляю вас	304
Ерунда	306
Убрать бабушку	308
Монетка счастья	312
День Победы	315
<i>Перечень иллюстраций</i>	<i>317</i>

Элочкины Замки

Она опять сегодня построила Замок. Я смотрела, как она его строит — кубики маленькие, а Замок получился большой и красивый! Стоит и не падает! Почему? Это я не понимаю.

Приходит тётя Витя и говорит: какой замечательный Замок, кто его построил? Мамочка говорит: Эллочка. Тётя Витя трясёт руками, как я, когда умываюсь, и говорит: не может такая маленькая девочка построить такой высокий и красивый Замок! А Мамочка смеётся: Она не маленькая, ей уже пять с половиной лет!

Они уходят, а я остаюсь, смотрю на Замок и думаю: Эллочке пять с половиной лет, а мне два с половиной — так Мамочка вчера сказала. Если взять один кубик и ещё один, получится два кубика. Я умею считать до двух — меня Эллочка научила. Значит, мне два с половиной года... и ещё два кубика... пойду к Бабусе.

Иду на кухню и прошу:

— Бабуся, дай мне мельницу покрутить.

Бабуся даёт мне мельницу — мне нравится её крутить, кручу, кручу, она шумит, потом я дёргаю вниз, сразу щиплет в носу и горле, и я бегу обратно в комнату. Смотрю — Замок стоит. Я его обхожу, он большой, а потом не такой большой и совсем небольшой — и тут и там. И он не пря-

мой: где большой — это у окна, а потом он идет к бабушкиной кровати — маленький и совсем маленький. А там — идёт к Анночкиной кровати. Анночка не умеет ходить, не умеет бегать и не умеет говорить — это неинтересно, потому что ей полгода.

Я смотрю на Замок — он стоит и не падает, а мне хочется увидеть, как он будет падать. Раз он сам не падает, думаю я, надо его немножко толкнуть. И я его толкаю, там, где он маленький, около бабушкиной кровати, — кубики бум-бум-бум. Там, где я ударила, Замок упал, но мало. И стоит! Прибегает Эллочка и начинает плакать. Мамочка говорит, что плакать стыдно, я никогда не плачу. Приходит Бабушка, смотрит на меня, качает головой:

— Деточка, деточка, зачем ты Элочкины Замки портишь?

— Бабуся, — говорю, — я хочу посмотреть, как Замок упадёт. Весь!

Бабушка опять качает головой и ведёт нас в другую комнату обедать. У нас с Эллочкой тарелки с тремя поросятами — Бабуся нам читала. На моей тарелке поросёнок играет на рояле. Но таких роялей не бывает — он из чего-то красного и сломан куда-то туда. Наш рояль чёрный и никуда не сломан. Бабушка говорит, что на тарелке нарисовано “пианино”. Я думаю, что это рояль для поросят.

Мне нравится “обедать” — это днём, и “завтракать” — это утром, и “ужинать” — после этого умываешься и спать ложиться. Я не люблю только красные такие, не помню, как зовут. Они круглые, как мячик, и внутри очень противные. Я сказала Бабусе, что они мне очень невкусные, и она мне больше их не даёт.

— А где Мама? — спрашиваю у Бабуси.

— Пошла к тёте Вите, — говорит Бабуся.

Я хочу, чтобы Мамочка всегда была дома.

Мы идём в нашу комнату. Эллочка начинает строить Замок, где я его толкнула. Бабуся смотрит, как Эллочка строит, а я сейчас пойду в другую комнату и буду лазить под

диваном. Очень хорошо лазить под диваном — это даже лучше, чем под столом и под роялем.

Я залезаю под диван сбоку, потом вылезая из-под дивана между ножками, потом опять залезаю под диван между другими ножками и вылезая с другой стороны. Залезаю под большой стол, где мы едим, там много места и не так интересно, как под диваном. Но там мне нравятся ножки — я всегда их глажу. Иду на кухню. Бабуся спрашивает меня: — Ты под диваном лазила?

Я киваю головой. Она всегда про меня всё знает! И Мамочка тоже! Иду в нашу комнату. Эллочка уже построила то, что упало, сидит на полу и смотрит на Замок. Хорошо бы сейчас куда-нибудь залезть! Раньше я залезала на подоконник и показала Мамочке, как я залезаю. Мамочка сказала, что я хорошо залезаю, но делать это нельзя, потому что я могу головой разбить стекло и упасть с не помню какого этажа прямо на землю. И сказала: “Обещай мне, Нинуша, что ты никогда больше не будешь залезать на подоконник, потому что это неправильно!”

Я обещала и теперь залезать на подоконник не могу. Но ведь мне надо куда-нибудь залезать?! Можно залезть на шкаф, он стоит около Бабушкиной кровати! Снимаю тапочки, залезаю на Бабушкину кровать — она высокая, потом встаю на подушки, потом на спинку кровати. Но я не могу дотянуться дотуда!

— Слезай, немедленно слезай, — кричит Эллочка, — ты глупая! Упадёшь и разобьёшься навсегда!

Я почти не качаюсь на спинке кровати и одной рукой держусь за шкаф. Спрашиваю, что такое “навсегда”? Эллочка сердится:

— Сначала слезь, тогда скажу!

Туда мне не достать — значит, не залезу! А как залезть? На кровать поставить стул... но мне его не поднять, он тяжёлый... надо Бабусю попросить! Слезая со спинки и сажусь на кровать. Спрашиваю, что такое “навсегда”?

— “Навсегда”, — говорит Эллочка, — это значит всё! И уже никогда!

Я не понимаю, что такое “никогда”. Входит Мамочка, говорит:

— Ёлочка, хочешь на рояле поиграем?

Хочет, хочет! Они выходят, и Мамочка машет мне рукой, а я машу ей. Слезаю с кровати и подхожу к Замку там, где Анночкина кровать. Может, если здесь толкнуть, то он упадёт — весь сразу?! Сильно толкаю Замок — кубики бум-бум-бум! Упал опять кусочек, но Замок стоит. Что же делать? Как... как мне сделать, чтобы он упал сразу! Весь! Я хожу около него... Стою там, где он самый большой, и придумала! Надо его толкнуть здесь, в самый низ, и тогда он упадёт сразу! Весь упадёт! Надо только очень сильно его толкнуть, ударить... сначала размахнуться — и ударить около пола.

Я делаю одну ногу назад, сейчас ударю хорошо-хорошо! И ударяю! А меня кто-то вдруг хватает, подбрасывает вверх — и я ударяю по воздуху! Меня поворачивают, и я сижу у Мамочки на руках.

— Ма-моч-ка! — кричу я. — Почему ты меня подняла... так быстро!

— Потому что ты хотела разрушить Эллочкин Замок! Зачем? — спрашивает Мамочка.

— Я не хотела его разрушить! — кричу я. — Я хотела сделать, чтобы он упал сразу! Весь!

— Тише, Нинуша, тише! — Мамочка садится со мной на Бабушкину кровать. — Объясни мне, чтобы я поняла, только, пожалуйста, говори, а не кричи.

— Я толкала его тогда, и ещё тогда, и сегодня, но он не падал весь сразу! А я хочу, чтобы он упал весь! Сразу! — говорю я Мамочке, но очень хочется кричать.

— Я тебя понимаю, — говорит Мамочка, — но скажи, кто построил этот Замок?

— Эллочка.

— И чья это вещь — Замок? Чей он?

— Не знаю, — говорю.

Мне нравится сидеть у Мамочки на руках! Я сижу и думаю: Тигрёнок Эллочкин, Барбос мой, пушка моя, танк Эллочкин. А чей Замок — я не понимаю.

— Замок Эллочкин, потому что его построила она, — говорит Мамочка. — Если ты построишь Замок, то он будет твой, и ты сможешь его разрушить — посмотреть, как он будет падать весь. Сразу! Ты меня понимаешь, Нинуша?

— Но я не умею строить Замок, — говорю я.

— Но ты поняла, чей это Замок? Его построила Эллочка! Чей он, скажи мне?!

— Он Эллочкин, — говорю я.

— Значит, это чужая вещь, а чужие вещи портить нельзя — это неправильно. Значит, ты больше не будешь разрушать Эллочкины Замки?

— Не буду, — говорю я, потому что я знаю, что нельзя делать неправильно.

— Умница, — смеётся Мамочка, обнимает меня и гладит по голове.

Мне хорошо, когда Мамочка обнимает меня и гладит по голове. Я сижу у неё на руках и думаю: как жалко, что Замок Эллочкин!

Маленькая палочка

Я лежу на Мамочкиной кровати, потому что пришло воспаление лёгких. Оно приходит, когда холодно, и тогда днём я лежу на Мамочкиной и Папиной кровати. Здесь очень хорошо: рояль, а рядом стоит, не знаю как зовут, шкаф без дверей, а на нём сидят две девочки, они ненастоящие. И ещё стоит картинка — на ней девочка, тоже ненастоящая, на одной ноге, Мамочка часто берёт эту картинку и смотрит на неё.

Когда приходит воспаление, Мамочка кладёт мне под руку маленькую палочку, сидит со мной, рассказывает мне и смеётся. Я тоже смеюсь. Потом она ставит мне банки: огонь в банку — и мне на спину, огонь в банку — и мне на спину, а Бабуся держит мне бугорки. Мне не хотелось Мамочке говорить, что мне не нравится огонь, и я попросила Бабусю поддержать мне бугорки. Бабуся сказала: конечно, дочка, я поддержу.

Она села на кровать около головы и положила мне одну руку на голову, а другую на бугорок. И теперь, когда Мамочка мне ставит банки, Бабуся мне держит бугорки, а я смотрю на огонь и думаю, что, когда банки снимут, мне дадут вкусное молоко.

Я лежу с палочкой под рукой, а Мамочка вдруг встаёт и говорит: Нинуша, я сейчас приду, лежи спокойно.

Она уходит, и я её не вижу. Я лежу и думаю, что у меня под рукой палочка, а я её никогда не смотрела, какая она. И я вынимаю её из-под руки — она мне нравится! Я вожу по ней пальцем и думаю, сожмётся она или нет, сжимаю её — она не сжимается. Опять её глажу — её хорошо гладить, сжимаю двумя пальцами — она не сжимается. Тогда я беру её в рот, где она толще, и немножко сжимаю зубами — она тоже не сжимается. Тогда я сжимаю её посильнее — крак! — и она ломается. Я вынимаю палочку изо рта, но во рту что-то осталось, я выплёвываю это на одеяло. Смотрю на палочку — она стала другая, и мне не нравится.

Прибегает Мамочка, смотрит на палочку, хватается её у меня и кричит: плюнь, плюнь, быстро выплюни! Прибегает Бабуся: деточка, милая, что же ты... деточка! Приходит Папа, смотрит на меня, берёт у Мамочки палочку, а Мамочка кричит: плюнь... сейчас же выплюни!

Я не понимаю, что плевать, у меня там ничего нет, я уже выплюнула! Мамочка никогда не кричала, я не понимаю, зачем она кричит? Вдруг она хватается меня, поднимает над одеялом, и — вниз головой меня! — и кричит: плюй, сейчас же плюй!

Мне это не нравится. Мамочка сажает меня на место, и вдруг Папа говорит:

— Мартышка, открой-ка рот! — Я открываю. Папа сует свой палец мне в рот, что-то там делает, вынимает палец и говорит: — Всё в порядке, там ничего нет! — И говорит Бабусе: — Мякиш... молоко.

Мякиш я не знаю, а молоко я люблю. Папа меня спрашивает:

— Ты выплюнула то, что откусила?

— Выплюнула, — говорю.

Мамочка быстро водит по одеялу рукой, берёт то, что я выплюнула, отдаёт Бабусе. Бабуся уходит за буфет:

— Деточка, милая, слава Богу!

НИНА ШНИРМАН СЧАСТЛИВАЯ ДЕВОЧКА

Мамочка берёт меня на руки и качает.

А Папа вдруг мне улыбается.

Он мне никогда не улыбается, а всегда говорит, когда я его вижу: ты, Мартышка, очень плохо себя ведёшь!

А я не знаю, что это такое “очень плохо себя ведёшь!”.

Чёрт и сосновые шишки

У нас на кухне живёт Наташа, её зовут Домработница. Она мне не нравится. У неё совсем не такое лицо, как у Мамочки и у Бабуся, и она не разрешает мне бегать по двору, когда гуляет со мной и Анночкой.

Мы тогда пошли во двор, Анночка лежала в коляске, а я стала бегать — мне очень хорошо бегать. А Наташа вдруг хватает меня за руку и говорит:

— Ты... — я не поняла какая, — девчонка, и я тебя нашла-паю, если будешь бегать!

Я спросила, что такое “нашла-паю”? Она сказала:

— По попе тебя буду бить!

Мне стало жарко, и я сказала:

— А я побью тебя палкой.

Она стала кричать, и мы пошли домой.

Дома я стала искать палку. Пришла Мамочка и спросила:

— Нинуша, что ты делаешь?

Я сказала:

— Палку ищу, мне надо побить Наташу.

Мамочка села на наш стул, взяла меня за руку и говорит:

— Нинуша, расскажи мне, что было во дворе.

Я рассказала. Мамочка говорит:

— Я не позволю тебя бить, и бегать ты можешь столько, сколько хочешь! Но палкой бить никого нельзя — это неправильно. А Наташе я скажу, чтобы она не мешала тебе бегать.

Мы стоим во дворе — я, Наташа и коляска, а в ней Анночка лежит. Наташа держит меня за руку, говорит, что я какая-то девчонка и что я должна сидеть рядом с ней. Побить палкой её нельзя — это неправильно, бегать мне Мамочка разрешила. Я вырываю руку, отбегаю от неё, показываю ей язык и начинаю бегать. Я бегаю, бегаю, потом стою и смотрю, как большие мальчики играют в мячик: они его бросают высоко-высоко, а потом, когда он вниз падает, хватают. Потом опять бегаю — мне хорошо бегать! Потом стою и смотрю на наш дом — он очень высокий. Меня за руку берут, я оборачиваюсь — это Наташа с коляской. Она улыбается, я тоже ей улыбаюсь. Она говорит:

— Пойдём, Ниночка, я тебе что-то интересное покажу.

Мы идём по двору, она улыбается, держит меня за руку, потом наклоняется ко мне, не улыбается и говорит другим голосом:

— А ну-ка, оглянись, там чёрт из-под земли вылезает.

Я не хочу оборачиваться, но оборачиваюсь, хочу закричать — не могу, хочу дышать — не могу! Из дырки в земле вылезает что-то страшное, чёрное, у него кривой рот и красные глаза! Жарко, очень жарко! Я вижу небо, кто-то кричит и... темно.

Нинуша! Нинуша! — Я открываю глаза, вижу Мамочкино лицо. Надо выпить воды, говорит она, я лежу у Мамочки на руках, и около моего рта стакан с водой. Я хочу выпить, но почему-то знаю, что выпить не смогу. Я мотаю головой — Мамочка кладёт меня на кровать, я поворачиваюсь к стенке и закрываю глаза.

Нинуша! — Я открываю глаза: сижу у Мамочки на руках,

она улыбаётся, рядом стоит мужчина, я его не знаю. Здравствуй! — говорит мне мужчина громко и весело. З..з..з..з..з... — я хочу сказать “здравствуйте”, но не могу! Я кладу голову на Мамочку и закрываю глаза.

Меня кто-то дёргает за плечо, я слышу незнакомый голос: Да кто же это у нас такая соня! Меня кладут на спину — я вижу Мамочку и какую-то женщину, она смотрит на меня и спрашивает: Тебя зовут Соня? Я мотаю головой, ведь меня зовут Нина. А как тебя зовут? — спрашивает женщина. Я хочу сказать Нина, но ничего не могу сказать и закрываю глаза.

Открываю глаза, вижу стенку, слышу чей-то голос: ...кто же её так напугал?! — Домработница, она сказала, что сейчас чёрт из-под земли вылезет... Загораживала до времени, а из люка полез весь чёрный грязный слесарь, и у него парез лицевого нерва...

Я закрываю глаза.

Я смотрю на стенку и слышу — кто-то плачет... Знакомый голос говорит: не плачь, я знаю, как её вылечить... — Все врачи говорят, что это вылечить нельзя... — Никому не верь! Верь только мне — она очень быстро поправится!

Я стою на траве. Близко от меня — высокие палки, они стоят так и так, а потом стоит дом. Он такой же, как трава. А в доме Бабуся. Я её не вижу, но я знаю, что она там. Мне не жарко.

Я стою на траве. На траве стоят высокие и толстые — это деревья, сказала мне Бабуся. Мне хорошо на них смотреть.

Я стою на траве и смотрю на цветы. Бабуся сказала: это цветы, они сейчас “жёлтые”, а потом станут “белые”. Бабуся из дома мне говорит: деточка, иди кушать!

Я иду.

Я стою около дерева и смотрю на “шишки” — так их Бабуся назвала, когда пошла в дом. Я иду около дерева, беру одну шишку, мне она нравится — она круглая и колючая. Иду по траве к высоким палкам и думаю: а в доме Бабуся, она позовет меня кушать, и я возьму с собой шишку.

Мы идём с Бабусей по траве. Бабуся даёт мне “корзинку” и говорит:

— Деточка, если хочешь, собери нам для самовара шишек, вот таких, сосновых, как ты вчера принесла. А если не хочется собирать, погуляй вокруг деревьев, а я пойду, обед подогрею и тебя позову. Но собирай только сосновые, а еловые не бери. — Бабуся наклоняется, берёт с земли такую длинную, показывает — мне она нравится, — говорит: — Вот такие шишки не бери, это еловые! А бери только сосновые.

И уходит. Я иду около дерева и собираю в корзинку шишки, сосновые, и в корзинке уже нет места. Бабуся зовёт меня обедать. Я иду в дом, ставлю корзинку на стул и спрашиваю у Бабуси:

— А почему сосновые?!

Бабуся смотрит на меня, и у неё лицо вдруг не такое, как у Бабуси. Я ещё спрашиваю:

— Ну, Бабуся, почему сосновые?!

— А потому, деточка, — медленно говорит Бабуся, — что сосновые лучше горят!

Я у Мамочки на руках — мы в нашей комнате. Мамочка обнимает меня, целует, смеётся! Я тоже смеюсь. Мамочка говорит:

— Нинуша, как ты хорошо... рассказываешь!

В комнату входит женщина, я её не знаю. Мамочка говорит:

— Нина, познакомьтесь и будьте друзьями, это моя средняя дочь, её тоже зовут Нина. Нинуша, Нина — наша новая Помощница.

Помощница мне улыбается, и я ей улыбаюсь и думаю: почему она Нина, ведь Нина — это я! Говорю:

— Мы сосновые шишки привезли!

Мамочка смеётся и говорит:

— Как ты чудесно разговариваешь!

Я глажу Мамочку по волосам — они такие мягкие!

Торт из мороженого

Еду по двору на автомобиле. На педали нажимаю быстро-быстро — и машина едет быстро, нажимаю на гудок — он гудит, колесо поворачиваю — машина поворачивает, и опять еду быстро. Приезжаю к Бабусе, она сидит с Анночкой на скамейке, вылезаю из автомобиля, сейчас буду бежать. Я не просто бегаю, а бегаю и подпрыгиваю! И я бегу и подпрыгиваю — это так хорошо, что хочется смеяться и смеяться! Останавливаюсь и смотрю, как девочки прыгают через верёвку. Две девочки крутят верёвку, а другие прыгают: один раз прыгнут, убегают и с другой стороны становятся. Я не понимаю, почему они прыгают только один раз? По двору идёт женщина, я её знаю, она приносит Мороженный торт. Ой, как вкусно! Я стою и думаю: сегодня принесли Мороженный торт — значит, мы сегодня будем его есть! Мне уже давали, потому что я большая — мне три года! Мама научила меня: надо медленно есть, и сначала не есть, а толкать его в стаканчике.

Это будет очень хорошо! Мы сядем за стол, я рядом с Мамочкой, Эллочка — с Папой, а напротив Бабуся, с ней Анночка на высоком стуле, ей торт не дают, потому что она ещё маленькая. С другой стороны сядет Помощница Нина. А на столе стоят стаканчики красивые и тоненькие, в них ложечки — красивые и тоненькие, а рядом со стаканчи-

ком — салфетка в такой круглой! Папа принесёт Мороженый торт — он очень красивый и очень вкусный! Папа его разрежет на кусочки и всем положит в стаканчики. Мамочка посмотрит на меня и улыбнется, а я ей буду головой кивать — я помню, что надо есть медленно.

Меня трогают за плечо, я оборачиваюсь. Папа стоит. Он смотрит на меня и улыбается.

— Знаешь, Мартышка, — говорит Папа, смотрит на меня и немножко не на меня, — ты всю неделю очень плохо себя вела. — Ну вот, опять Папа про это, я не понимаю, что такое “плохо себя вела”. — Да, — говорит Папа, — и из-за того, что ты плохо себя вела, торт из мороженого превратился вот в это. — Он вынимает из-за спины руку, а в ней что-то маленькое и непонятное.

Я не знаю, что сказать, и не знаю, что думать. Как... почему... неужели не будет Мороженого торта? Нет! Нет! И что это такое непонятное и противное? Я очень серджусь и говорю Папе:

— Нет! Не может быть!

Папа улыбается — мне это очень не нравится — и говорит:

— Почему не может быть? Взял и превратился! Возьми в руки, посмотри, потрогай — был торт, а теперь вот это.

Он даёт мне это противное в руки, я беру и смотрю, что это такое? Небольшой серый камень, такой ровный, а посередине маленькая картинка — что-то красное и зелёное. Я думаю про торт, на нём всегда красный и зелёный крем, он превратился в эту картинку? Нет! Не мог он превратиться! А Папа не мог его превратить? Я думаю: он не может его превратить в этот камень? А если может? Надо попробовать это противное — может, откусить кусочек? Я как-то лазила под столом в кухне и нашла там пряник. Попробовала его — какой он был противный, твёрдый, и такой был у него запах, что я его сразу выбросила совсем далеко в угол.

Неужели Папа мог превратить Мороженный торт в этот противный камень? Я не понимаю это и не очень верю, но потом думаю: он же сказал “превратился”! Надо откусить этот противный... наверное, он такой же, как тот пряник... но мне не хочется пробовать при Папе, потому что он смотрит на меня и улыбается. Я не верю, что сам торт превратился бы, только Папа его мог превратить. Не превратился бы сам торт — стоял бы на столе, и все! А теперь какой-то камень с картинкой! Но как Папа это сделал? Не мог он это сделать! Смотрю на Папу, он смотрит на меня и улыбается. Смотрю на камень и понимаю — он это сделал! Превратил! Превратил!!!

И думаю: какой неприятный человек.

Сонный Бегемот

Мы только что позавтракали — все, все за столом: Мамочка, Бабуся, Папа, Эллочка, я, Анночка и Помощница Нина. Я люблю, когда все за столом. Эллочка вдруг говорит:

— Папа, ты очень хочешь спать!

Папа говорит:

— Я не хочу спать, я выспался — сегодня воскресенье!

Мамочка говорит:

— Все бегемоты после завтрака очень хотят спать.

Папа удивляется и говорит:

— Я сразу не почувствовал, а теперь понимаю: я очень хочу спать, я очень Сонный Бегемот, я самый Сонный Бегемот на свете!

Анночка смеётся, хохочет и хлопает в ладоши. Бабуся говорит ей, что она хохотушка, и тоже смеётся, Мамочка говорит, что Бабуся тоже хохотушка, — и мы все смеёмся. А Папа встаёт из-за стола, зевает, идёт между роялем и буфетом к кровати и говорит:

— Я Сонный Бегемот, я очень Сонный Бегемот!

Я вскакиваю со стула и бегу за ним, Эллочка бежит за мной. Мы прибегаем, а Папа уже лежит на кровати, лежит на животе и громко-громко храпит, потому что он Сонный Бегемот! Я залезаю на кровать и сажусь ему на спину пониже, где банки не ставят, а Эллочка садится ему на но-

ги. А Папа храпит и храпит. И мы начинаем хлопать его и бить и кричим: “Просыпайся, Сонный Бегемот! Просыпайся! Немедленно просыпайся!”

Он не просыпается, но храпит ещё сильнее!

Анночка стоит около кровати, но залезть не может — ей только полтора года. Мамочка поднимает её и сажает на кровать. Анночка подползает к Папиной голове, садится на неё, гладит её и просит нас:

— Не мучайте Папочку, не бейте!

Мы кричим: “Это не Папочка, это Сонный Бегемот”. И бьём его, бьём изо всех сил! А он храпит и ещё хрипит.

— Не мучайте Папочку, не мучайте Папочку, — кричит Анночка и начинает плакать, сидит у Папы на голове, гладит его и плачет.

Мамочка снимает Анночку с Папиной головы, берёт на руки и говорит:

— Сонный Бегемот, просыпайся!

Он не просыпается. Я уже не могу его так сильно бить, как била, а он всё не просыпается! Мамочка говорит таким голосом, как будто она немножко страшная:

— Про-сы-пайся, Сон-ный Бе-ге-мот!

И он просыпается, переворачивается на спину, мы с Эллочкой падаем на кровать к стенке — и все хохочем. У Анночки слёзы на щеках, и она тоже хохочет.

— Знаешь, Мышка, — говорит Папа, он почему-то Мамочку называет то Мышкой, то Вакой, а её зовут на самом деле Мамочка, — самое трудное в этой игре — это Анка на голове!

Я знаю, что такое “трудно”, но почему Анночка на голове — это трудно?